

Культура

«Я умирал 165 раз. Это не страшно...»

Мария БАБАЛОВА

— Ваши визиты в Москву носят эксклюзивно-эпизодический характер...

— В этом нет моей вины. В первую очередь, просто нет подходящего репертуара в Большом театре. Единственное, что я спел в Большом, это Борис Годунов полтора года назад. Но я всегда с удовольствием приезжаю в Москву при первой возможности — или благотворительно, или на какие-нибудь юбилейные вечера. Сейчас у меня оказалось несколько свободных дней, и я, конечно же, откликнулся на приглашение приехать, чтобы выступить на благотворительном вечере в пользу Беслана. Это такая ужасная трагедия, что остаться в стороне я не захотел.

— Сегодня свою профессиональную жизнь вы строите по принципу «хочу» или «надо»?

— К сожалению, не получается жить только по принципу «хочу». Но мои ближайшие планы — это то, что я хочу и мне надо сделать одновременно. Я еду во Флоренцию петь «Дона Карлоса» Верди, потом в Metropolitan у меня будут спектакли — опять-таки «Дон Карлос» и «Набукко». В таких театрах, как Венская Staatsoper, La Scala, Metropolitan или Covent Garden, певцы высокого ранга должны появляться постоянно, тем самым подтверждая свой статус. А уже остальные театры, что называется, по желанию. Но певец непременно должен менять страны и театры. Если он застревает в каком-нибудь одном театре, даже в самом лучшем, он быстро исчерпывает себя. Развиваться, сидя на одном месте, невозможно. Иногда надо и в коммерческих проектах принимать участие, выступать на менее престижных сценах. В этих случаях очень хорошие деньги платят. Эпизодически необходимо и деньги зарабатывать. В большом количестве.

— Для человека искусства, на ваш взгляд, деньги — это ангел-хранитель или демон-искуситель?

— Это элементарное поддержание штанов. Необходимо выглядеть на подобающем уровне. Вообще деньги еще никому не мешали. Сейчас жизнь очень дорогая. И я не знаю ни одного человека, для которого финансовый вопрос был бы не важен.

— Вам нравится быть модным человеком?

— Да, мне нравится красиво одеваться. До такого, чтобы рваные джинсы носить, хотя это и модно, я еще не дошел. Мне нравятся вещи от Armani или от Ferré.

— Каким из своих слабостей вы чаще всего потакаете?

— Я сладкожка. Но очень редко позволяю себе сладкое. Правда, как только приехал в Москву, столько съел сладостей, что за один раз недельную норму перекрыл. Чтобы отказаться от сладкого, порой мне приходится употребить всю свою волю.

— Но вы же не сопрано, которой приходится играть чахоточную Виолетту, а бас — всегда монарх и деспот...

— Форму надо держать в любом случае. Сцена распухлости не прощает.

— Почему, на ваш взгляд, в последнее время внешние дан-

ные солистов стали едва ли не доминировать над вокальными?

— Мир очень сильно изменился. Во времена Карузо или Джильи в первую очередь ценился голос певца. Начиная с Тосканини, уже дирижеры захотели быть главными действующими лицами оперы. Они очень ревностно относились и относятся до сих пор к тому, что прежде всего певцы пользуются любовью у публики. Дирижеры стали даже изгонять из театров певцов с выдающимися голосами, чтобы лишить их заслуженного шанса стать великими исполнителями. Но все равно дирижерам было трудно соперничать по популярности с певцами, и они призвали себе на помощь режиссеров. К настоящему моменту режиссерско-дирижерская коалиция фактически уже победила певцов. Во многих театрах теперь ставят спектакли порой очень сомнительного вокального уровня, но выглядящие очень заманчиво, как блестящая подарочная упаковка в магазине.

— И каково это — ощущать себя товаром?

— Товар — это слишком грубо сказано. Хотя, конечно, продажа — это элемент актерской профессии. Но все-таки нас театры не покупают, а приглашают на работу. И у артиста всегда есть право принять или отвергнуть предложение.

— На ваш взгляд, какова главная черта характера настоящего мужчины?

— Если получается быть честным с самим собой, то это уже хорошо.

— А отчего певцы всегда столь скупы на комплименты своим коллегам?

— Это очень легко объяснить. В спектакле всегда один дирижер, один режиссер, а певцов на каждую партию множество. И конкуренция среди певцов очень велика. Выбиться из начинающих сейчас практически невозможно. Когда у тебя уже есть имя, удержаться на завоеванных позициях намного проще. Слава — хороший страховочный полис. В Америке, например, я убедился, гораздо большее значение имеет, кто выходит на сцену, нежели как он поет. И если знаменитость еще и хорошо поет, в Metropolitan вообще все с ума начинаешь сходить. Так что в этом плане я не могу пожаловаться. В мире я очень известный певец.

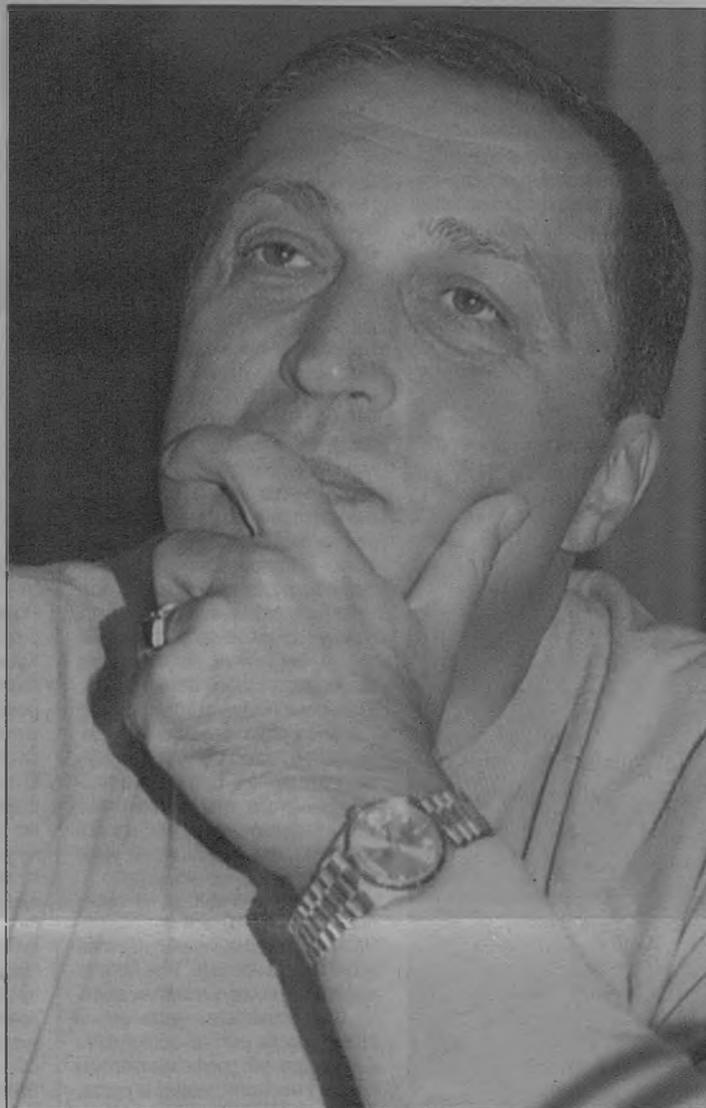
— В вашей жизни много завистников?

— Да. Как в жизни любого человека. Ну и что? Это больно только в первый момент, а потом выкаешь и уже не обращаешь на это особого внимания. Во всяком случае, стараешься. Но ожидать подлости можно в любой момент. Чем меньше человек, тем больше подлости он способен сделать. Зависти и подлости в мире хватало во все времена, в искусстве особенно.

— От чего вы получаете больше всего удовольствия, находясь на сцене?

— От осознания того, что публика мне верит. Я всегда чувствую, как публика относится к спектаклю. Если в момент твоей сцены зал замирает и никто судорожно не обмахивается веером или не шуршит фантиком от конфеты, значит публика со мной, я добился главного — понимания и сопереживания. Ведь в большинстве случаев до публики очень тяжело достучаться. Ты ей

Сегодня в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя, где состоится благотворительный вечер памяти жертв терактов, выступит знаменитый грузинский бас Паата Бурчуладзе. Ныне он поет на лучших оперных сценах мира, а в Москве бывает лишь проездом несколько дней в году

ТАМАРА ПОПРИЧЕНКО

безразличен, она тебя не понимает, она просто хочет получить удовольствие за свои деньги.

— Вам на сцене больше нравится умирать или убивать?

— Без разницы. Я убедился, что даже когда я пою Мефистофеля или любого другого злодея, то могу во многом оправдать поступки своего героя и заслужить симпатию публики. Ведь что, например, делает Мефистофель: он издевается над людьми за их лживость и готовность продаться за копейку. Да и умирать на сцене мне совсем не страшно. Я только Борисом Годуновым уже умирал 165 раз.

— Борис для вас самая главная партия?

— Да. Партия Бориса — это предел мечтаний каждого баса, вершина басового репертуара. Это самый неисчерпаемый из всех оперных образов, в нем невозможно достичь предела. И нет в мире ни одного примера, даже учитывая Шалаяпина, который можно и нужно было бы считать воплощением совершенства. Эта роль неисчерпаема, она неизменно манит басов всего мира. Эта партия показывает и голос, и характер, и артистизм. Она самая трудная, интересная и даже мистическая. Я могу сравнить ее еще лишь с одним великим образом — Филлипом в вердиевском «Дон Карлосе». В нем тоже очень много мистического.

— Вы вообще суеверны?

— Не очень. У меня есть, конечно, какие-то смешные приметы, которые с детства запали. Например, почему-то считается, что по понедельникам нельзя стричь волосы и ногти.

— Что в вас осталось от ребенка?

— Хорошие, добрые воспоминания. В детстве даже не подозревал, что такое жизнь на самом деле. Тебе все вокруг представляется в розовом свете. А главное, ты думаешь, что родители вечны. Когда я отца потерял, я тут же повзрослел, и сильно изменилось мое восприятие жизни.

— От каких вещей зависит ваше мироощущение?

— Все зависит от человека. На какую жизнь себя настроишь, такой она у тебя и будет. От жизни никогда нельзя требовать больше и больше. Надо научиться быть довольным своей жизнью, какой бы она ни была. Тогда ты будешь счастливым человеком.

— Был ли в вашей жизни день, который вы хотели бы прожить дважды?

— Я с удовольствием еще раз в жизни вместе с отцом сходил бы на охоту и на рыбалку. Но уже нереально.

— Вы по-прежнему страстный охотник и рыбак?

— Нет. В партию «зеленых» я, конечно, не вступил, но на охоту уже лет десять не выхожу — не хочется. Только изредка рыбаку. И никаких экзотических увлечений у меня нет.

— Вообще вы привередливый артист?

— Не думаю. У меня самые обычные пожелания. В первую очередь, чтобы расписание репетиций было удобным. Я редко выдвигаю какие-то экстратребования. Некоторые театры даже машину не присылают. А Metropolitan Opera, например, оплачивает авиабилет лишь в эко-

ном-классе, а эконом-классом я не летаю.

— Почему?

— Потому что я очень часто перелетаю по миру и, соответственно, много времени провожу в самолетах, иногда по 9–10 часов. И за время полета я должен успеть отдохнуть.

— Ваша международная карьера фактически началась с одной-единственной фразы великого Герберта фон Караяна, назвавшего вас «вторым Шалаяпиным». Вас не раздражает, что всех басов мира принято мерить по шалаяпинскому счету?

— Совсем нет. Все познается в сравнении. Приятно, когда с чем-то хорошим, выдающимся тебя соотносят, а то ведь могут и с чем-то плохим сравнить. А Шалаяпин — это идол и миф, который гипнотизирует. Хотя, конечно, если я или кто-нибудь из басов начнет сегодня петь, «как Шалаяпин», то это будет просто смешно. Получится настоящая карикатура. У каждого певца своя индивидуальность и свой репертуар.

— Как вы думаете, певец должен создать свой джентльменский набор партий и останавливаться или постоянно создавать какие-то новые «свои» роли, в поисках иных ощущений и нового успеха?

— Каждый выбирает путь по себе. Я из тех, кто боится остановиться на достигнутом. Я постоянно ищу чего-то нового и неожиданного. К счастью, я уже спел почти весь русский репертуар, а у Верди вообще не осталось ни одной оперы, в которой я бы не пел. В следующем сезоне у меня две абсолютных премьеры. На сцене

Metropolitan я буду петь Кочубея в «Мазепе» Чайковского и Герцога в «Джоконде» Понкьелли.

— Почему вы игнорируете оперы Вагнера?

— Я никогда не буду петь Вагнера. Не хочу. Меня в 2000 году пригласили на постановку «Кольца» на Байройтском фестивале, но я наотрез отказался. Я категорически не нахожу себя в немецкой музыке ни вокально, ни по характерам героев. Я себя считаю певцом двух композиторов — это Верди и Мусоргский. Мне кажется, они оба прекрасно понимали природу баса. И в таких ролях, как Борис, Филипп или Аттила, я очень комфортно себя чувствую. Это партии, где необходим настоящий героический темперамент, горячая кровь. Они абсолютно соответствуют моему голосу и нраву.

— Роли деспотов и демонов оставляют след в вашей реальной жизни?

— Ни в коем случае. Это гениально, когда у тебя есть возможность, хоть три-четыре часа в день быть царем, королем или даже Мефистофелем. Но все начинается и заканчивается на сцене. Репетировать, играть нужно в театре с партнерами, а не дома с близкими людьми.

— Считается, что тенора ловеласничают только на сцене, а в реальной жизни этим грешат басы...

— Да уж точно не тенора. Думаю, что пальму первенства между собой делят басы и баритоны.

— Вам не жаль, что ни один из сыновей не стал продолжателем вашего дела?

— Нет. Я ведь тоже не продолжил дело своих родителей. Не стал врачом или инженером. Правда, по собственному желанию, я закончил вечерний факультет Политеха по специальности промышленное и гражданское строительство. Но инженером-строителем мне не пришлось поработать ни единого часа. От всей моей учебы остался только диплом. А у моих сыновей нет музыкального таланта. И не надо. Каждый должен заниматься своим делом.

— Сегодня в вашей жизни кто играет большую роль — дирижер, режиссер или менеджер?

— Моя жена. Анжела постоянно все контролирует. А если говорить серьезно, то я сам. Когда у тебя все хорошо, и ты в хорошей вокальной форме, то эта «святая троица» возле тебя вьется. А не дай Бог, что-то не так, то они тут же дают задний ход. И не успеваешь оглянуться, а их уже и след простыл. Поэтому надо быть всегда на коне.

У меня бывает до 80 выступлений в сезон. Это очень много. Оптимальное количество для оперного певца — полсотни, чтобы получалось не больше спектакля в неделю. Ведь каждый выход оперного певца на сцену по эмоциональным и физическим затратам, я думаю, сравним с космическими перегрузками. Но, по большому счету, я себя не насиливаю.

— Сегодня вы получаете от пения такое же удовольствие, как и 10–15 лет назад?

— Еще большее. Раньше я гораздо больше трудился, когда пел, и просто-таки заставлял себя заниматься через силу. Сейчас вся моя работа происходит только от удовольствия. И сцена для меня превратилась в источник наслаждения, наркотик, без которого я уже не могу жить.